

Обменявшись с гостями приветствиями, Ду Ань поспешил на кухню, чтобы заняться готовкой. Фан Шэн, проговорив ещё пару слов, последовал за ним.

Увидев этих людей, Цзинь-эр почувствовал исходящую от них суровую энергию и немного испугался, не отходя от Ду Чжунпина ни на шаг. Но гости, раз увидев ребёнка, так и норовили его подразнить, отчего мальчик лишь глубже зарывался лицом в грудь Ду Чжунпина, подставляя собравшимся свою спину.

Поскольку шёл праздник, при виде ребёнка полагалось дать денег на счастье. Однако у всех при себе оказались лишь обрезки серебра. Ду Чжунпин, не будучи с этими людьми в близких отношениях, настойчиво отказался принимать подношения, сказав, что подарок слишком тяжёл и может обернуться для ребёнка несчастьем. Гости не стали настаивать и оставили эту затею.

Вскоре на стол выставили множество яств, а хлебное вино, заготовленное ещё перед праздником, подогрели в горячей воде. Все уселись вокруг стола, и двое из семьи Ду тоже присоединились, чтобы составить компанию. Видно было, что эти люди связаны с Чжао Ба крепкой дружбой, да и с утра проделали немалый путь, а потому ели с волчьим аппетитом, не слишком церемонясь.

Ду Ань с Ду Чжунпином сделали пару глотков за компанию, а затем извинились и удалились. Было ясно как день, что у давно не видевшихся друзей найдётся о чём поговорить, и присутствие посторонних будет лишь мешать. Такой простой такт им был не в диковинку.

После полудня трое из семьи Ду, устроившись на кане, перекусывали разными вкусностями. Двое взрослых, забавляясь, учили Цзинь-эра считать, используя для этого ядра арахиса. В это время пришёл Фан Шэн.

Ду Чжунпин спросил: «Сян, почему не остаёшься с ними? Что-то нужно?»

Фан Шэн пристроился на свободном месте и ответил: «Всё в порядке. Просто я служил не в их части, моё присутствие было скорее формальностью. Я решил уйти, чтобы они могли говорить свободнее. Вот только, пожалуй, мне придётся сегодня переночевать у вас — у них, похоже, всем места не хватит».

Ду Чжунпин ответил: «Оставайся, конечно». И тут же пригласил его подняться на кан, чтобы было теплее.

Фан Шэн, усевшись рядом с Ду Чжунпином, не удержался от замечания: «У вас и впрямь в доме тепло».

Ду Чжунпин удивился: «Дома-то одинаковые. Просто у тебя кан, наверное, похолоднее. Если зябко — подкинь дров, разве их мало?»

Фан Шэн ответил: «Дров-то достаточно, да только твой брат Чжао Ба — человек горячий, ему всегда жарко, а я, наоборот, мерзну. Если бы только это — я бы просто полегче одевался. Но беда в том, что если зимой перетопить, к весне у него во рту язвочки пойдут. Так что уж лучше я потерплю да потеплее оденусь, лишь бы ему было хорошо».

Ду Ань, всё это время игравший с Цзинь-эром, услышав слова Фан Шэна, сказал: «И верно, зимой на тёплом кане спать — одно удовольствие. А я и не знал, что бывают такие последствия. Надо будет весной готовить побольше прохладительных, «остужающих» блюд. Только вот кан остужать нельзя — мы, взрослые, ещё куда ни шло, а Цзинь-эр может

простудиться».

Разговор незаметно перешёл на весенние травы, что помогают «остудить» внутренний жар, и на то, как их лучше приготовить, чтобы было съедобно. Потом речь зашла о том, что посадить в огороде, — ведь на юге и севере овощи разные. Обсудив и сравнив, Ду Чжунпин предложил просто посадить понемногу всего — они по дороге купили немало семян, а место во дворе позволяло.

Беседа плавно перетекла к весенней пахоте, и Фан Шэн сказал: «Только что за столом говорили, будто сверху велено сажать какую-то «земляную фасоль». Весной, мол, семена привезут. Никто не знает, что это такое. Но раз приказ сверху, придётся сажать, нравится нам то или нет».

Услышав это, Ду Чжунпин насторожился и принялся расспрашивать подробнее.

Фан Шэн продолжил: «Говорят, заморская штука. Раньше богачи в садах как диковинку выращивали. Потом кто-то обнаружил, что это съедобно, и вот теперь внедряют. Только на юге все на рисе сидят, кто станет такое сажать? Вот и перекинули к нам, на север. Видно, рассчитывают, раз у нас столько войска кормить надо, сойдёт и это. От безысходности, что ли: ну сколько может быть с этих бобов? Разве ими наешься?»

Ду Чжунпин не мог признаться, что уже видел и пробовал эту «земляную фасоль» — ведь это же был картофель! — и потому лишь неопределённо промычал что-то в согласие.

Не обращая внимания на то, что творилось по соседству, компания непринуждённо болтала и смеялась, вместе поужинала, а под вечер Фан Шэн, как и договаривались, остался ночевать в доме Ду.

Поскольку второй день нового года был днём, когда замужние дочери возвращались в родительский дом, несколько военных, проведя у Чжао Ба целый день, на третий день после завтрака в сопровождении хозяина отправились навестить старосту.

Фан Шэн, прикинув, что у старосты они наверняка засидятся за выпивкой, позавтракал с семьёй Ду и отправился домой прибраться.

По обычаю, на третий день нового года не ходят в гости, но у военных увольнительная, так что им было не до условностей.

В доме старосты их, разумеется, встретили радушно. Невестка Ван подозвала обоих сыновей поздравить дядек с праздником, а сама поспешила на кухню готовить угощение. Если к мужу придут его бывшие сослуживцы, а их плохо примут — это будет позор для семьи. Их дом не чета дому Чжао Ба, где женщин нет и придирается некому. Да и как можно обойтись без должного приёма, если эти люди из года в год помнят о них и навещают?

В комнате царил тёплый, дружеский настрой. Увидев сыновей старосты, гости тоже обрадовались и вручили мальчикам по несколько обрезков серебра на счастье. Староста был с ними в близких отношениях, поэтому много не церемонился, кивнул детям, чтобы те взяли деньги, и отпустил их играть.

Староста спросил, сколько дней гости пробудут, и, узнав, что завтра им уже нужно являться на поверку, лишь согласно кивнул и поторопил невестку Ван поскорее подавать еду, чтобы к

полудню они не опоздали в город и не схлопотали наказание.

Вскоре на стол были поданы вино и закуски, и невестка Ван удалилась, предоставив мужчинам беседовать наедине. Поскольку после полудня гостям предстояло возвращаться, староста и Чжао Ба не стали особенно усердствовать с возлияниями, позволяя пить в меру.

После второго тоста тот самый солидный воин — его тоже звали Ван, Ван Цюань, и, поскольку он был однофамильцем старосты, они были особенно близки, и Ван Цюань часто советовался с ним — обратился к старосте: «Ты всё уговариваешь меня обзавестись домом да хозяйством, а я и жалование армейское бросать жалко, и в земледелии ничего не смыслю. Да и характер у меня беспокойный, оседлой жизни не выдержу. Потому всё отнекивался. А тут подвернулся один способ. Сперва я и думать о нём не смел, но в прошлый раз Юй Цянь, что на воротах стоял, видел, как Чжао Ба с каким-то сюцаем в город входил. Вот тогда у меня и появилась мысль. Если получится, у нас, братьев, может появиться перспектива. Только нужна помощь двух человек».

Староста и Чжао Ба переглянулись — вчера Чжао Ба об этом не слышал.

Староста нахмурился: «Судя по твоим словам, это как-то связано с сюцаем Ду? Если дело такое, что мы, братья, можем помочь, — без лишних слов. Но объясни толком. Если оно стоящее и не сулит больших неприятностей, мы с братом Чжао Ба, не пожалев своих старческих лиц*, пойдём просить за вас. Если же нет — на том и закончим, будем искать другие пути. Сюцай, получивший учёную степень, — не тот, с кем можно обращаться как попало».

*Здесь и далее «старческое лицо» — устойчивое выражение, означающее «репутация, достоинство».

Ван Цюань ответил: «Само собой, мы не станем действовать сгоряча».

И понизив голос, продолжил: «Однажды, когда я сопровождал нашего начальника на пирушке, он проболтался. Весной, когда начнётся межсезонье и с продовольствием будет туго, планируют торговлю с северными варварами. Дело это тайное, доверять можно только своим. Хотят отобрать из военных тех, кто умеет писать да считать. Да где ж таких среди нашего брата найдёшь?»

Староста и Чжао Ба оба изумились: «Дело-то верное? Попадёшься — головой ответишь!»

Ван Цюань махнул рукой: «Не тревожься, я уже навёл справки. Года два как это уже делается, только раньше этим занимались приближённые больших чинов сверху. И торгуют не запретным товаром, а солью, чаем, вином. У меня брат в генеральской управе служит, говорит, товары те приходят с казёнными печатями на упаковке. Стало быть, начальство в курсе, просто не афиширует».

Староста задумался: «Если всё, как ты говоришь, дело и впрямь стоящее. Вы хотите, чтобы сюцай Ду научил вас письму и счёту? Но это же далеко неудобно. В городе разве учителя не найти?»